КАРТИНО

ШИРОКИЙ приземистый сруб стоит посреди леса, неподалеку от подмосковной станции Тучково. Он кажется собратом могучих еловых стволов и в их окружении еще более основателен. Точно такой же дом стоял на этом месте до войны. И сродни коренастому срубу был его хозяин — сивоусый старик — богатырь сказочной силы и доброты.

Упорный был этот «коренник-старичина». Уже почти потеряв зрение, складывал бессонными ночами в гармошку листы бумаги — чтоб строчки не наезжали одна на другую, и писал:

Пусть смерть пугает
робкий свет,
А нас бояться не понудит:
Когда живем мы, —
смерти нет,
А смерть придет, —
так нас не будет.

Литая, крупная фигура с неизменной суковатой палкой в руке, сдвинутая набекрень мерлушковая папаха, атаманский чих от доброй махорки и ребяческий хохоток — таким помнят местные старожилы «короля репортеров», кавалера солдатского Георгия, «гражданина двух великих держав мира: России и Прессы», русского писателя Владимира Алексеевича Гиляровского, дядю Гиляя. Здесь, в Картино, он жил в летнее время — с марта по сентябрь — в течение последних одиннадцати лет своей долгой и бурной жизни.

Название Картино произошло от старинного «Картинный красочный погост» — так величали это место на высоком берегу Москвы-реки.

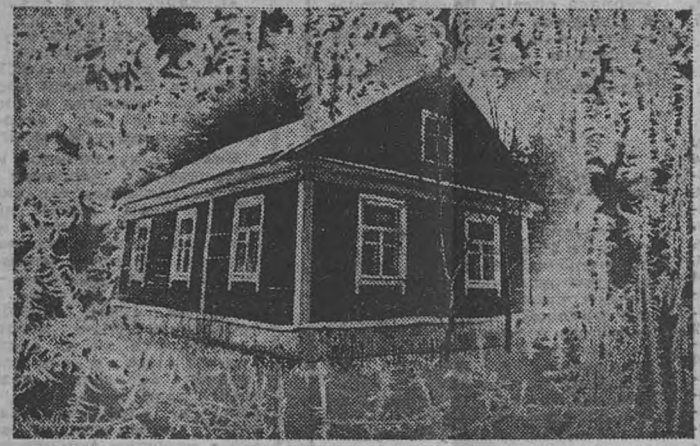
...Дом Гиляровского был сожжен фашистами, восстановлен по фотографии и сохранившемуся проекту, но природа осталась все та же. Гиляровский признавался, что здесь, среди живописного леса, в неповторимом воздухе Подмосковья, ему хорошо писалось:

Горят болота — пахнет
дымом,
Но все ж мне дорог
край родной —
И не прельстить меня
ни Крымом,
Ни заграничной суетой.
Всего дороже мне одно
Родное сердцу Картино.

«Рвусь работать, всяких тем в голове крутится пропасть», — говаривал Гиляровский. В Картино! К «трем сестрам» — березкам, в пронизанный светом и пропитанный запахом струганых досок зал-кабинет! Ходить, скрипя половицами и путаясь в длинных простеньких дорожках!

Прямо напротив входа на стене висит портрет Гиляровского: лицо пышет борцовским здоровьем, а в глазах — одновременно и серьезность, и озорная лукавинка.

...Поначалу сомнения непривычно мучили Гиляровского, морщили его запорожский лоб: пригодится ли новой жизни, новым людям то, что он намеревался писать? Сработает ли память, которая должна собрать воедино рассыпанные по годам, городам и весям, по записным книжкам и обрывкам бумаги воспоминания, экспромты, коими в свое время исписывались крахмальные манжеты и даже целые скатерти?



Дом В. А. Гиляровского.

Фото К. КОКОШКИНА

Безвозвратно уходило прошлое. Уходила и старая Москва — чиновничья и купеческая. Москва старинных особняков и нищенских трущоб. Но новая столица, ее новые люди должны были знать историю своего города, ибо, как говорили древние, «для того чтобы идти вперед, надо иногда оглядываться назад, чтобы помнить, откуда вышли и куда надо идти». И кому же, как не дяде Гиляю, «вечно юному всемосквичу», было должно справиться с этой задачей?.. Все у него для этого было — страсть, силы, мысли.

Опасения оказались напрасными: стихия творчества полностью захватила Гиляровского, и с юношеским пылом он принялся за вдохновенный труд. Многие часы подряд хозяин просиживал за огромным столом, заваленным рукописями, и писал, писал без устали.

Письменный прибор, подаренный рабочими Путиловского завода, ходил ходуном, когда хозяин, то упершись ладонью в колено, то засунув ногу под себя, исписывал страницу за страницей. Опасливо поглядывал на растущую кипу листов деревянный мишка, подаренный 15-летнему Гиляровскому в честь убитого им большого медведя. Старый подсвечник помнит удовлетворенное покрякивание могучего дяди Гиляя после очередной завершенной главы.

К 1926 году Гиляровский заканчивает две книги — «От Английского клуба к Музею Революции» и «Москва и москвичи». Через два года выходят «Мои скитания». Еще через три — «Записки москвича». Его статьи появляются в «Известиях», «Огоньке», «Прожекторе», «Красной ниве», «Вечерней Москве».

...В 1934 году выходит книга «Друзья и встречи». В работе — «Москва газетная», «Люди театра» — книги, увидевшие свет уже после 1935 года, после смерти писателя.

Работал Гиляровский над ними большей частью в Картино.

В просторном светлом доме не переставал принимать гостей; как и в московских «Столешниках», здесь бывали люди самые разные — литераторы и циркачи, актеры и рабочие... Редкая фотография — труппа Художественного театра, Станиславский, молодой Горький. Дядя Гиляй в Картино в окружении домашних... С местными пастухами. Снимок, сделанный в Мелихове Левитаном: Гиляровский — грудь навыкате — «резвится», катая в тележке братьев Чеховых...

В Картино есть «чеховский» уголок. Среди немногих его экспонатов — картина А. Белых «В Столешниках». В кругу друзей под уютным абажуром сидит Антон Павлович. Под рукой — записная книжка. В нее он записывал многие истории и словечки дяди Гиляя. Просил М. И. Гиляровскую рассказать о своих повседневных встречах и наблюдениях — она рассказывала мастерски.

Дом Гиляровского в Картино — сегодня не только музей, но и сельская библиотека. Сюда постоянно приходят люди.

— Книги Гиляровского всегда нарасхват, — рассказывает заведующая библиотекой-музеем З. И. Шелепнева, — наверное, потому, что в них настолько «наше» прошлое, что знать о нем — горячее желание любого мало-мальски неравнодушного человека. К тому же колорит, живой язык, простота и ясность мысли — все это привлекает молодых читателей. Старые же москвичи — те вообще страницы исписывают в книгах отзывов. Этих книг у нас уже шесть!

Конечно, есть у музея и свои проблемы. Об одной из них говорит запись в книге отзывов: «...Необходимо расширение музея. Нужна помощь энтузиастов, партийных и советских органов. Профессор И. Н. Нарский».

Дом Гиляровского в Картино пользуется заслуженной популярностью; и, думается, крайне необходимо отыскать способы и средства для пополнения экспозиции...

В предисловии к книге «Москва и москвичи» К. Паустовский писал:

«Есть люди, без которых не может существовать литература... Это люди — своего рода бродильные дрожжи, искристый винный сок. Не важно — много ли они или мало написали. Важно, что они жили и вокруг них кипела литературная жизнь своего времени...

Таким был Владимир Алексеевич Гиляровский — поэт, писатель, знаток России и Москвы, человек большого сердца — чистейший образец талантливого нашего народа».

Игорь ДЬЯКОВ

Московская область